Адрес редакции:

103009, Москва,
ул. Б. Никитская, 5/7
Тел. 203-31-28

Сдано в набор 4.02.97
Подписано в печать 18.04.97
Формат 60×90/16
Бумага газетная тип. № 2
Гарнитура Таймс
Офсетная печать
Усл. печ. л. 11,5 Усл. кр.-отт. 16,31
Уч.-изд. л. 11,04
Тираж 1418 экз. Заказ № 1099
Изд. № 6348

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Б. Никитская, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» издательства МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 18

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

№ 2 • 1997 • АПРЕЛЬ—ИЮНЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в три месяца

СОДЕРЖАНИЕ

СЕМЬЯ И ВРЕМЯ

Данный номер журнала — тематический; он целиком посвящен проблемам семьи и подготовлен силами одной кафедры — единственной в России кафедры социологии семьи и демографии. Этот специальный номер[1] приурочен к юбилею кафедры, созданной в Московском государственном университете на социологическом факультете в августе 1991 г. Кафедра удачно вписалась в структуру социологического факультета, представляя одно из направлений альтернативной, или, точнее, экзистенциальной, социологии. Проблематика кафедры вызывает интерес у студентов и аспирантов (в том числе иностранных) — за пять лет защитили дипломные работы 28 человек и 4 — кандидатские диссертации. В связи с этим важно подчеркнуть, что примерно половина статей этого номера подготовлена студентами и аспирантами кафедры.

Обращение к проблемам семьи не случайно — несколько десятилетий длящийся кризис института семьи вызывает много вопросов теоретического и практического характера. Их актуальность и острота особенно заметны в нашей стране — стране углубляющегося процесса депопуляции, где убыль населения происходит с 1992 г. из-за сверхнизкой рождаемости (коэффициент суммарной рождаемости в России является одним из самых низких в мире и в настоящее время равен примерно 1,3 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста) и растущей нестабильности семьи (более половины всех браков в России в настоящее время заканчивается разводом).

Депопуляция вызывает целый ряд новых явлений, к которым не готовы администраторы, предприниматели, финансисты, представители общественных организаций, партий и движений. Разводимость в условиях жилищного кризиса обостряет потребность в раздельном проживании до чрезвычайности, способствуя росту криминальных исходов. Сверхнизкая детность семьи способствует закрытию дошкольных и школьных учреждений, сокращению производства детских товаров и услуг, перемещению рабочей силы в сферах образования и воспитания, изменению структуры профессиональной занятости. На эти процессы накладываются изменения, свя-

[1] Настоящий номер подготовлен при поддержке Российского гуманитарного научного фонда РГНФ. Руководитель проекта проф. А.И. Антонов.

М.Б. Денисенко

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС 1914—1922 гг.

В результате войны и революции наше Отечество лежит в развалинах. Великая Русская равнина стала великим кладбищем, где смерть пожинает обильную жатву, где люди едят друг друга.

Питирим Сорокин. Отправляясь в дорогу.

Речь на торжественном собрании в день 103-й годовщины Петербургского университета 21 февраля 1922 г.

This year is 80 anniversary of the Great October Socialist revolution. As before it shakes mind of people, and estimations of it's consequences are under great discussions. But no matter what one may say about it's social and economic consequences, from the demographic point of view the revolution and than civil war and intervention, complete economic crisis and for runner of all the first world war are indivisible stages of the same catastrophe. That horrible catastrophe started from the first death of Russian soldier in East Prussia in summer 1914 and finished with the last death from famine in 1922. This study reanalyzes the main peculiarities of demographic processes in that period and summarizes the results of their changes.

В этом году исполняется 80 лет Великой Октябрьской революции. Ее образ по-прежнему тревожит сознание людей, а оценки ее последствий вызывают жаркие дискуссии. Но что бы ни говорили о последствиях социальных и экономических, с точки зрения демографического развития революция, последовавшие за ней гражданская война и интервенция, полная хозяйственная разруха, а также предшествующая всем им первая мировая война представляют собой неразделимые этапы одной катастрофы. Эта страшная катастрофа началась с первого убитого солдата в Восточной Пруссии летом 1914 г. и закончилась последней смертью от голода в 1922 г. Рассмотрим главные особенности демографических процессов в этот период и подведем итог их изменениям.

Источники данных

Главная трудность изучения демографического развития России в годы первой мировой и гражданской войн кроется в причинах информационного порядка. По сравнению с предвоенными годами качество и полнота информации о населении заметно ухудшились. Обстоятельства военного времени и государственные реформы большевиков, включавшие отделение церкви от государства и создание новой системы учета естественного движения населения[1], нестабильность государственных границ расстроили прежнюю систему текущего учета демографических событий. Кроме того, начавшаяся мировая война не позволила провести намечавшуюся на 1915 г. вторую всеобщую перепись населения[2]. В итоге нет непрерывных динамических рядов численности населения[3], количества рождений и смертей в масштабе всей страны и для большинства ее отдельных территорий за 1915—1922 гг.

Но это не значит, что статистические сведения о том времени отсутствуют или их слишком мало. Статистики, бывшие земцы, несмотря на войну и разруху, прилагали титанические усилия, чтобы собрать сведения о погибших, родившихся и вступивших в брак в отдельных губерниях, городах и уездах, как бы наперед зная, что они создают самую впечатляющую и объективную фотографию революционной эпохи[4].

В указанный период времени в масштабе страны были проведены фактически четыре переписи, результаты которых предполагалось использовать для решения продовольственной проблемы, проведения аграрной реформы, послереволюционного государственного строительства. В 1916 г. на неоккупированной территории Российской Империи была проведена первая сельскохозяйственная

[1] 18 декабря 1917 года был утвержден декрет "О Гражданском браке, о детях и о введении книг актов гражданского состояния", который предусматривал обязательную гражданскую, а не церковную, регистрацию рождений, браков, смертей в специальных книгах отделов записей браков и рождений (см.: Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 247—249).

[2] См.: Кауфман А.А. По поводу второй всероссийской переписи. СПб., 1913.

[3] В литературе не раз отмечались недостатки официальной довоенной статистики при исчислении численности населения Российской Империи. Так, по мере отдаления от года проведения первой всеобщей переписи населения в 1897 г. накапливалась ошибка главным образом из-за недостоверности сведений о миграции. В итоге численность населения страны преувеличивалась (см., например: Сифман Р.И. Динамика численности населения России 1897—1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977; Чупров А.А. По поводу "плана" преобразования статистической части империи, предлагаемого Центральным Статистическим Комитетом // Статистический вестник. Кн. 1 и 2. 1916—17 гг. М., 1917.

[4] См., например: Дробижев В.З. У истоков советской демографии. М., 1987; Кувшинников В.П. Естественное движение в РСФСР в 1920—1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4—6; Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.

перепись, по которой были собраны сведения о сельском и частично городском населении, в 1917 — сельскохозяйственная и городская переписи, в 1920 — первая всероссийская перепись населения, в 1923 г. — всеобщая городская перепись населения. Кроме того, в ряде городов и даже волостей[5] были проведены местные переписи населения.

В этот период проводились также разнообразные выборочные обследования. Например, в 1919—1926 гг. в Центральном статистическом управлении было организовано и проведено под руководством профессора А.Е. Лосицкого обследование питания населения[6]. Информация о населении собиралась также в Министерстве (после революции — Наркомате) земледелия, Наркомате здравоохранения, комитетах помощи беженцам, голодающим и т.д. Проливают свет на положение населения в годы первой мировой и гражданской войн разнообразные выборочные обследования, проводившиеся уже в период нэпа. Следует отметить санитарно-гигиенические обследования на Украине в 1923 г. и на Дону в 1924 г.[7]

Бесспорно, данные периода 1914—1922 гг. являются неполными и часто противоречат друг другу. Как это следует из названий и времени проведения, ни одна из 4 перечисленных выше переписей в России не охватила всей ее территории и всех ее жителей. Так, в ходе переписи 1920 г. из-за продолжавшихся военных действий было переписано только 72% населения страны (в границах СССР до 17 сентября 1939 г.). Однако "было бы совершенно несправедливо пренебрегать данными статистического учета тех лет. Они не могут дать полной картины, но ряд сведений являются доказанными и неплохо характеризуют демографические тенденции"[8].

Миграция

При изучении демографических пертурбаций периода 1914—1922 гг. сперва уделим внимание миграции населения, поскольку территориальные перемещения явились в те годы важным фактором демографических и социальных изменений. В целом структура миграционных потоков определялась особенностями военного времени. Первые годы империалистической войны нарушили прежние закономерности миграционных процессов в Российской Империи (отход крестьян на заработки, переселения за Урал, международная трудовая миграция)[9]. Одним из основных видов территориальной подвижности стал значительный военный отход. В годы первой мировой войны примерно 16 млн человек, преимущественно из сельской местности, было мобилизовано в русскую армию[10]. В 1917—1918 гг. массовое дезертирство и стихийная демобилизация придали перемещениям военнослужащих неконтролируемый характер. Число активных участников гражданской войны, если опираться на данные переписи населения 1920 г., было вдове меньше[11] по сравнению с первой мировой войной.

Реакция гражданского населения на военно-хозяйственный кризис и революцию выразилась в многочисленном и разнообразном по направлениям и причинам беженском движении. В годы мировой войны огромная масса эвакуантов и выселенцев из оккупированных и прифронтовых областей двигалась в глубь страны, преимущественно в города. М.М. Гран отмечал, что "беженство периода войны 1914—1917 гг. охватило массу населения по меньшей мере в 10 или же в 15 млн человек"[12]. По оценке Е.З. Волкова, число беженцев составляло на 1 июля 1917 г. 7,4 млн человек[13]. Далеко не полные данные "Особого комитета Великой княгини Татьяны Николаевны", покровительствовавшего беженцам, дают сведения об их национальном составе: среди 3,2 млн беженцев в 1916 г. было 513 тыс. поляков, 286 тыс. латышей, 200 тыс. евреев, 120 тыс. армян и 86 тыс. литовцев[14]. В целом в военное время почти каждый

---

[5] См., например: Воронов И.К., Рыкань. Опыт культурно-демографической переписи 1921 г. Воронеж, 1922.

[6] Труды ЦСУ СССР. Т. 30, вып. 1. Состояние питания городского населения за 1919—24 и 1926 гг. Том 30, вып. 2. Состояние питания сельского населения за 1920—1924 гг. М., 1928.

[7] См.: Гозулов А. Опыт изучения влияния мощности хозяйства на социально-гигиеническое состояние деревни // Вестник статистики. 1925. Кн. 23. № 10/12; Материалы о социально-гигиеническом состоянии украинской деревни. Харьков, 1924.

[8] Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М.: Наука, 1986. С. 105—106.

[9] Всего в 1895—1914 гг. за Урал — в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию — отправилось более 4,7 млн семейных переселенцев; в 1906—1909 гг. было выдано крестьянам-отходникам более 9 млн одногодичных паспортов; за 1890—1914 гг. преимущественно из западных губерний уехало главным образом в Америку более 3,3 млн человек, прибыло в Российскую Империю более 1,7 млн человек (см.: Минц Л.Е. Отход крестьян на заработки в СССР. М., 1925; Оболенский (Осинский) В.В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928; Ямзин И.Л., Вощинин В.П. Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926).

[10] Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). М., 1924. С. 20.

[11] Итоги переписи населения 1920 г. М., 1928.

[12] Гран М.М. Опыт изучения санитарных последствий войны 1914—1917 гг. в России // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. М.; Пг., 1923. С. 35.

[13] См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930.

[14] См.: Гран М.М. Указ. соч. С. 38.

пятый житель империи оказался вовлеченным в миграционную круговерть.

Октябрьская революция и ее последствия дали новый импульс миграционным процессам, которые не поддавались точному измерению. М.Большаков, заведующий переселенческим отделом в Народном комиссариате земледелия, охарактеризовал их следующим образом: "...движение революционной эпохи характеризуется полным отсутствием закономерности, оно вспыхивает то в одном, то в другом месте, его нельзя предугадать, его размер нельзя установить — оно надвигается неожиданно и протекает в болезненных стихийных формах; да и самые причины его теснейшим образом связаны с общей хозяйственной разрухой, с нарушением связей между потребляющими и производящими районами, с ликвидацией промыслов и закрытием ряда промышленных предприятий и т.п."[15].

Одним из наиболее многочисленных был миграционный отток населения из городов. Согласно расчетам О.Квиткина, основанным на результатах соответствующих переписей, население 358 городов европейской части РСФСР уменьшилось с 10,5 млн человек в 1917 г. до 7 млн в 1920 г.[16] Причины убыли населения городов заключались в уходе горожан в деревню вследствие продовольственного и промышленного кризисов, в эмиграции части населения за границу, вызванной обстоятельствами гражданской войны, в репатриации беженцев, а также в превышении смертности над рождаемостью. По мере развития продовольственного кризиса в деревне и с началом преодоления последствий войны население этих городов увеличилось к марту 1923 г. до 8,1 млн человек.

Другой многочисленный миграционный поток состоял из крестьян, которые в массе своей шли теперь не за землей, а за куском хлеба. В первый послереволюционный год переселенческое движение в многоземельные восточные районы страны, казалось, вспыхнуло вновь. За первые четыре месяца 1918 г. за Урал переселилось более 175 тыс. человек. Помимо крестьян в этом переселении принимали участие рабочие, создававшие на новом месте жительства трудовые коммуны. Но армия адмирала Колчака и неурегулированность земельных отношений в Сибири приостановили движение на Восток. Война также воспрепятствовала начавшемуся организованному переселению крестьян из центральных губерний в южные, главным образом на Дон. В 1920 г. крестьяне под влиянием постигшего их неурожая из центральных губерний мигрировали главным образом на Украину, Северный Кавказ, а также в Сибирь, куда только организованно было переброшено около 180 тыс. человек. Направление крестьянской миграции несколько изменилось в период голода 1921—1922 гг., когда уже из пострадавших хлебопроизводящих губерний бежало около 1,5 млн человек[17]. Разрыв хозяйственных связей и налоговая политика привели к деколонизации в начале 20-х гг. ряда районов Сибири, которые в результате внутрисибирских переселений и оттока населения в Европейскую Россию потеряли около 220 тыс. человек. Отдельные таежные волости, лишившись подвоза хлеба, потеряли до 40% населения[18].

На национальные окраины, часто под видом борьбы с кулачеством, выселялись переселенцы из Европейской России. В 1921 г. было изгнано около 30 тыс. человек (среди них было много менонитов) из Туркестана. Аналогичные процессы наблюдались в Киргизии. На Северном Кавказе выселения сопровождались резней бывших колонистов. В 1920—1922 гг. в Россию возвращались сектанты и старообрядцы, проживавшие в Закавказье и за границей. Так, из Армении, Грузии, Азербайджана и отошедшей к Турции Карской области переселились 24 тыс. человек, несколько тысяч переселилось из США и Канады[19].

В 1914—1922 гг. изменился характер и международной миграции. Экономическая эмиграция из западных губерний сменилась оттоком из страны тех, кто не принял преобразований революции. Однако существующие оценки объема белой эмиграции сильно разнятся. Их значения зависят, в частности, от того, как учитываются уроженцы территорий, утерянных в результате войны, представители нерусских национальностей, иностранные граждане, те, кто принял новое подданство, и др. Наибольшее распространение получила оценка в 2 млн человек[20], основанная, видимо, на данных Лиги Наций для Европы и Ближнего Востока[21] и оценках численности беженцев в Китае. Примерно в 3 млн человек

[15] Большаков М. Задачи и перспективы колонизации // На новых путях. М., 1923. С. 484.

[16] См.: Квиткин О.А. Население городов европейской части РСФСР по переписи 1897, 1917, 1920 и 1923 годов // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 77. С. 12.

[17] Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг. // Сборник статей и отчетов. М., 1922. С. 468.

[18] См.: Котов А. Основная причина деколонизации Западной Сибири в 1922—24 годах // Северная Азия. 1926. № 2.

[19] См.: Большаков М. Задачи и перспективы колонизации. С. 485. Лубны-Герцык Л.И. Движение населения на территории СССР... С. 122; Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917—июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 47—48.

[20] См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 43. С. 49, 126; Т. 44. С. 5, 39; Труды ЦСУ. Т. 1, вып. 2. Предварительные итоги переписи 28 августа 1920 г. С. 4; Гражданская война и военная интервенция в СССР // Энциклопедия. М., 1983. С. 670.

[21] Official Journal of the League of Nations. 1921. № 9, November.

оценил количество эмигрантов из России Г. фон Римша[22], опиравшийся на данные регистрации беженцев американского Красного Креста. Но эти цифры многими учеными считались преувеличенными. По оценке А.Изюмова, основывавшегося на данных русских архивов в Праге, в 1922 г. в Европе находилось 655,6—735,2 тыс. русских беженцев, и еще примерно 145 тыс. находилось в странах Дальнего Востока. Аналогичную оценку числа русских беженцев — 863 тыс. — дал Дж.Симпсон[23]. Эти оценки в свою очередь следует считать преуменьшенными, поскольку в них речь шла именно о русских ненатурализовавшихся беженцах с территории СССР (в границах 1939 г.), имевших нансеновские паспорта[24]. Известный российский демограф Е.М. Кулишер определил численность эмигрантов всех категорий в 1,75 млн человек[25]. Другой российский демограф, эмигрировавший из СССР более полувека спустя, С.Максудов, полагал, что миграционный отток из России (в границах СССР 17 сентября 1939 г.) был намного выше. По его оценкам, сальдо миграции имело отрицательную величину и равнялось 3,5 млн человек[26]. Точно известно, что около 180 тыс. человек вернулось из эмиграции до 1930 г.

Многочисленными и важными по последствиям были и другие миграционные перемещения через границы страны, в частности взаимообратные потоки военнопленных и репатриация бывших беженцев и выселенцев на родину, в новые государства (лимитрофы), образовавшиеся на территории бывшей империи[27]. В военный период насчитывалось порядка 3,5 млн русских военнопленных. Кроме того, еще в начальный период войны в Германии были задержаны около 200 тыс. рабочих и около 65 тыс. лиц интеллигентных профессий — подданных Российской Империи. В свою очередь в России находилось примерно 2,2—2,6 млн вражеских военнопленных, главным образом из Австро-Венгрии. При этом пленные славянского происхождения расселялись преимущественно в Центральной России, венгры — в Туркестане, немцы — в отдаленных местах Российской Империи[28]. По некоторым оценкам, с 1 января 1918 г. по 1 января 1921 г. за пределы СССР выбыло 4750 тыс. иностранных военнопленных и репатриантов, вернулось в страну 3171 тыс. военнопленных русской армии[29].

[22]Rimsha Hans Von. Der Russische Burger Kieg und die Russische Emigration 1917—1921. Jena, 1924. P. 50—51.

[23]Simpson J. The Refugee Problem. London, 1939. P. 80—82, 559—561.

[24]Нансеновские паспорта введены в 1922 г. по инициативе Ф.Нансена Лигой Наций для беженцев, лиц, лишенных гражданства, оказавшихся в результате военных действий на территории других стран.

[25]Kulisher E.M. Europe on the move. War and population changes 1917—1947. N.Y., 1948. P. 54—56.

[26]Максудов С. Потери населения СССР. Benson (vt), 1989.

[27]Например, в Польшу в 1918—1921 гг. были репатриированы 122 тыс. русских (см.: Maly rocznik statystyczny. Warszawa, 1939. С. 52). В Латвию за 1920—1928 гг. вернулось около 236 тыс. человек (Latvijas enciklopēdija. J.I. Rīga, 1984. P. 708).

Рождаемость и брачность

В России в XIX в. наблюдался один из самых высоких уровней рождаемости, зарегистрированных мировой статистикой. Общий коэффициент рождаемости в 50 губерниях европейской части страны в 1861—1900 гг. равнялся в среднем примерно 50‰, в том числе в великорусских губерниях его значение превышало 52‰. И хотя в начале XX в. обозначились признаки перехода к новому типу рождаемости, ее уровень оставался достаточно высоким — 43,9‰ в 1911—1913 гг., — и заметно превышал значения аналогичных показателей в странах Западной Европы. Среднегодовое число родившихся в предвоенные годы равнялось примерно 7 млн детей.

Рождаемость за годы первой мировой войны, как показывают имеющиеся статистические данные, резко снизилась. Если число родившихся за 1913 г. в семи губерниях, Петрограде и Москве, по которым имеется непрерывный ряд данных, принять за 100, то динамика рождений в процентах представится следующим образом: 1914 г. — 102; 1915 — 88; 1916 — 69; 1917 — 54[30]. В связи с тем что сельская местность больше пострадала от мобилизации, чем города (в них предоставлялась бронь рабочим целого ряда профессий и отраслей промышленности), в ней наблюдалось и большее сокращение рождаемости. В 13 губерниях, по которым имеются данные за 1914—1916 гг., рождаемость снизилась в городах на 17%, а в деревне — на 33%. В послереволюционные годы, согласно имеющимся данным, уровень рождаемости возрос в 1918 г., а затем колебался по отдельным губерниям в зависимости от новых наборов в армию, военной и продовольственной обстановки.

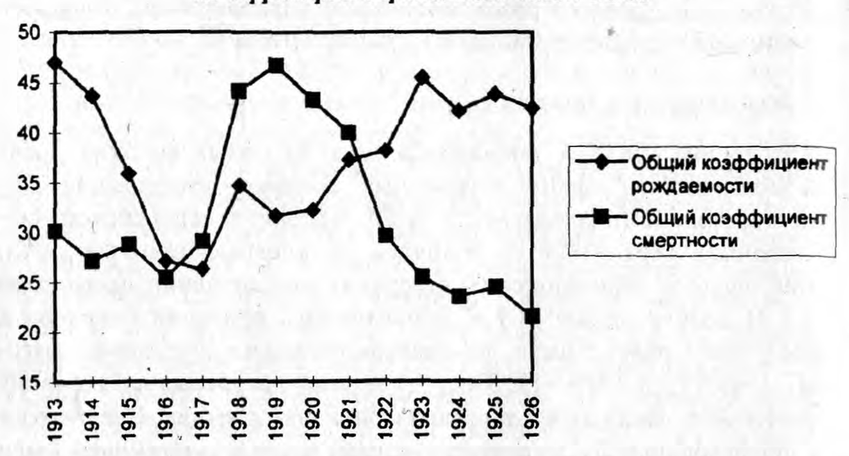
В целом динамику рождаемости, а также смертности и естественного прироста за 1914—1923 гг. в границах европейской части СССР характеризуют оценки их коэффициентов, рассчитанные А.Я. Боярским на основе данных текущего учета естественного движения в ряде губерний за указанный период времени и переписи

[28]См.: Жданов Н. Русские военнопленные в мировой войне 1914—1918. М., 1920.

[29]См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР... С. 185.

[30]См.: Новосельский С.А. Естественное движение населения в России и Европе в годы мировой войны // Общественный врач. 1922. № 2.

Динамика общих коэффициентов
рождаемости и смертности
на территории европейской части СССР

населения 1926 г. (см. рис.)[31]. В табл. 1 приведены данные по Москве и Петрограду, в которых регистрация демографических событий не прерывалась, несмотря ни на какие обстоятельства.

Таблица 1

Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в Петрограде и Москве в 1913—1922 гг. (‰)

Общий коэффициент рождаемости										
Годы	1913	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922
Петроград	26,4	25,0	22,5	19,1	18,7	15,5	17,7	21,8	34,4	25,3
Москва	32,6	31,0	26,9	22,9	19,6	14,7	17,3	21,4	30,7	25,6
Общий коэффициент смертности										
Годы	1914	1915	1916	1917	1918	1919	1920	1921	1922	1923
Петроград	21,5	22,8	23,3	22,9	46,7	77,1	50,6	31,0	28,8	16,0
Москва	23,2	24,0	23,0	23,7	29,9	45,4	36,6	25,5	29,0	14,4

Источник. Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952.

[31]См.: Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения в России и в СССР в 1915—1923 гг. // Боярский А.Я. Население и методы его изучения. М., 1975. С. 226.

Представление о сильном влиянии кризиса на репродуктивное поведение населения дают сведения об изменении распределений матерей по возрасту для реальных и условных поколений. Согласно некоторым обследованиям и отчетам родильных приютов того времени, наиболее заметным снижение рождаемости было в молодых женских возрастах[32]. Интенсивность рождаемости у когорты женщин 1890—1894 гг. в кризисные годы была значительно ниже возможной. В итоге пик рождаемости у нее наблюдался в послевоенные годы и пришелся на возраста 30—34 года (ситуация исключительная для России). При этом уровень рождаемости в возрастах от 20 до 29 лет включительно был заметно ниже по сравнению с предыдущим и последующими поколениями[33].

Важным фактором столь существенных изменений в рождаемости явились миграционные процессы. В первую очередь отметим значительный военный отход мужчин, который повлек за собой длительный массовый разрыв супружеских связей и поэтому явился главной причиной снижения рождаемости. Так, в 1917 г. в сельской местности 50 губерний отсутствовало 47,4% мужчин трудоспособного возраста, в том числе в Екатеринбургской губернии — 52,3%, Олонецкой — 51,8%, Черниговской — 50,6%[34]. Демобилизация в 1918 г. обусловила компенсаторное повышение уровня рождаемости. Но последующие воинские призывы и миграционные потоки из голодающих районов в 1921—1922 гг. повлекли новое снижение уровня рождаемости.

Брачность порой считают главным фактором, определяющим снижение рождаемости в годы кризисов. Но эта точка зрения не совсем верна: резкое снижение уровня брачности на коротком интервале времени влияет лишь на интенсивность рождений первенцев. Для России эпохи первой мировой войны это легко подтвердить простым сопоставлением произошедших изменений в числах родившихся и вступивших в брак. Так, по оценкам С.А. Новосельского, "недород" детей за 1915—1917 гг. для всей России в довоенных границах без Польши и Финляндии равнялся 6 млн че-

[32]См., например: Говорова А.П. Характеристика родовых функций у текстильщиц в связи с изменениями социально-бытовых условий // Врачебное дело. 1926. № 4; Фоменко Б.П. Медицинский отчет петроградских родильных приютов за 1917 г. // Журнал акушерства и женских болезней. 1925. Т. 36, № 3.

[33]См.: Сифман Р.И. Динамика плодовитости когорт женщин в СССР // Советская демография за 70 лет. Из истории науки. М., 1987.

[34]Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах).

ловек, а дефицит браков составил за 1914—1916 гг. 1,7 млн новых супружеских пар[35].

В целом по сокращению числа браков Россия занимала одно из ведущих мест среди воюющих государств. Если принять количество браков, заключенных в 1913 г. в 6 губерниях, Петрограде и Москве, за 100, то в 1914 г. оно составило уже 85, в 1915 г. — 46, в 1916 г. — 44. В 1917 г. число браков увеличилось до 65, видимо, из-за стихийно нараставшей демобилизации и прекратившихся со второй половины года наборов в армию[36].

После Октябрьской революции в стране произошел невиданный в мире рост брачности как в отдельных городах, так и в уездах. Особенно значительным этот рост был в столицах. В Москве уровень брачности возрос с 5,8‰ в 1917 г. до 19,1‰ в 1920 г., в Петрограде за тот же период — с 8,9 до 27,7‰. В провинции, например в Ярославской губернии, число браков на 1000 человек городского населения возросло с 6,4‰ в 1917 г. до 17,1‰ в 1919 г., а для сельского населения — с 3,5 до 11,82‰, в Орловской губернии — соответственно для городского населения с 3,2‰ в 1915 г. до 21,3‰ в 1920 г., для сельского — с 2,5 до 7,2%[37].

Такое резкое повышение уровня брачности носило отчасти компенсаторный характер. Но в большей степени оно объясняется введением полной свободы разводов и гражданского брака, а также коренным изменением бытовых и хозяйственных условий жизни людей, вызванным революцией и гражданской войной. А.В. Горбунов отмечал, что "масса браков стала заключаться исключительно для получения мануфактуры, которая до 1920 г. выдавалась новобрачным в виде приданого, ценность которого доходила до нескольких сот тысяч рублей. По получении такого приданого новобрачные расходились или разводились для того, чтобы никогда не встречаться, или же для того, чтобы... вступить в новый брак... Немало было заключено фиктивных браков с эвакуированными иностранными подданными и военнопленными для того, чтобы получить возможность эмигрировать... Заключались браки и для получения пайка Красной Звезды, для того, чтобы избавиться от уплотнения или обеспечить себе лишнюю комнату"[38].

[35]См.: Новосельский Н.А. Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 106, 110.

[36]Там же. С. 103.

[37]См.: Дробижев В.З. У истоков советской демографии. С. 64.

[38]Горбунов А.В. Влияние мировой войны на движение население Европы // Русский Евгенический журнал. 1920. Т.1, вып. 1. С. 103.

Количество разводов, превратившихся в послереволюционные годы в юридическую формальность, соответственно значительно возросло. Однако судить об их количестве на основе имеющихся материалов трудно, поскольку техника регистрации разводов не была налажена. Можно отметить, что в Петрограде среди всех заключенных браков доля тех, в которых хотя бы один супруг был разведен, повысилась с 1,6% в 1908—1909гг. до 11,2% в 1919 г.[39]

Разразившийся военный и хозяйственный кризисы повысили значимость таких факторов, ограничивающих рождаемость, как аборты и контрацепция. Из отчетов больниц, анкет участковых врачей и населения следует, что в 1914—1922 гг. значительно возросло число абортов, которые были легализованы специальным декретом 1920 г. Например, в Обуховской больнице в Петрограде в 1905 г. было совершенно 525 абортов, в 1917 г. — уже 2925, в Саратовском первом родильном доме общее количество абортов возросло с 1910 по 1918 г. почти в 2 раза[40].

Объясняя ускоренное распространение практики контроля рождаемости в годы войны, С.А. Новосельский отмечал, что "практическое неомальтузианство, сознательное регулирование размеров семьи за последнее время широко проникло и распространилось в народных массах и является одной из главных причин наблюдаемого повсюду падения рождаемости. Создаваемое войной настроение в связи с экономическим кризисом, прогрессирующей неуверенностью в завтрашнем дне... способствует, очевидно, еще более широкой и интенсивной мальтузианской практике"[41]. Под другим углом зрения смотрел на рост абортов в эти годы А.Б. Генс: "С 1914 по 1920 г. на селе осталась громадная армия "солдаток", потом и вдов, в связи с чем особенно усилился спрос на аборт, впервые вызвавший (спрос вызывает предложение) профессию бабок по абортам"[42]. Он же следующим образом подвел итог изменениям, произошедшим в репродуктивном поведении и семейно-брачных отношениях: "Война ускорила не только Октябрьскую, но и социально-демографическую революцию"[43].

Следует выделить еще одну, менее изученную группу факторов, снижавших рождаемость в те годы. Это рост заболеваемо-

[39]См.: Новосельский С.А. Естественное движение населения в Петрограде // Бюллетень Ленинградского губстатотдела. 1924. № 7.

[40]См.: Соколов П. Аборт как общественное бедствие // Саратовский вестник здравоохранения. 1923. № 5—6.

[41] Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914—1920 гг. С. 54.

[42]Генс А.Б. Проблема аборта в СССР. М., 1929. С. 58.

[43]Генс А.Б. Аборт в деревне. М., 1926. С. 11.

сти женщин и психическое напряжение, которые вызывали самопроизвольные аборты, длительное или временное бесплодие («аменорея военного времени»)[44].

Смертность

В дореволюционной России наблюдался традиционный тип смертности, который характеризовался в том числе высоким уровнем детской смертности, значительной долей умерших от инфекционных заболеваний и низкой ожидаемой продолжительностью предстоящей жизни. С 90-х гг. XIX в. смертность стала плавно понижаться. Но в предвоенные годы ее уровень был намного выше, чем в главных странах Антанты или германской коалиции. Так, продолжительность предстоящей жизни при рождении составляла в России в 1897 г. у мужчин 31 год, у женщин — 33 года. Это примерно на 10 лет меньше, чем в западноевропейских странах. В то же время в России уровень смертности от инфекционных заболеваний был примерно в 10 раз выше. За 1911—1914 гг. более 90 тыс. человек умерли от оспы и тифов, от коклюша, 285 тыс. — от дифтерии, скарлатины и кори. Из каждых 10 000 человек в 1913 г. 77 болели сифилисом, 54 – туберкулезом, 217 — малярией[45]. В 1913 г. оспой заболело 67 тыс. человек, различными видами тифов — около 550 тыс. человек[46].

В отличие от брачности и рождаемости, в годы первой мировой войны существенных изменений в уровне смертности гражданского населения не отмечалось. Более того, за счет снижения заболеваемости детскими инфекционными болезнями понизился уровень детской и, следовательно, общей смертности в сельской местности. В городах, где сосредоточивались беженцы и войска, общий коэффициент смертности несколько увеличился. Вместе с тем были велики безвозвратные потери русской армии в первую мировую войну. Число погибших солдат и офицеров составляет по наиболее достоверным оценкам от 1,6 до 2 млн человек[47].

---

[44]См.: Майер А.И. Влияние войны на женщину // Врачебное дело. 1926. № 6.

[45]См.: Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916. С. 182—184.

[46]См.: Бароян О.В. Итоги полувековой борьбы с инфекциями в СССР и некоторые вопросы современной эпидемиологии. М., 1968.

[47]К уже упоминавшейся работе Е.З. Волкова следует добавить: Биншток Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914—1918 гг. и военные потери России // Медицинская и демографическая статистика. М., 1968; Павлович М. Итоги мировой войны. М., 1924; Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы. Людские потери народонаселения вооруженных сил европейских стран в войнах XVI—XX вв. М.: Соцэкгиз, 1960; Koch. S., Medendorff A.P. The cost of the War to Russia. The vital statistics of European Russia during the World War 1914—1917. Social cost of the War. New Haven, 1932; и т.д.

В отличие от первой мировой войны, в годы гражданской войны и революции количество преждевременно умерших от голода и болезней мирных граждан намного превышало безвозвратные потери армий. В 1917 г. на фоне нарастающего продовольственного и топливного кризиса, разваливающейся (пусть несовершенной) системы здравоохранения наметились негативные изменения в санитарном состоянии страны. Первые вспышки эпидемий наблюдались в армии и местах скопления беженцев. Миграции рассеяли их очаги по всей стране. В последующие пять лет Россия переживала небывалое усиление инфекционных заболеваний, голод и, как следствие, катастрофический рост уровня смертности (см. рис.).

По данным Наркомздрава, число заболевших в 1918—1921 гг. сыпным тифом составило 6886 тыс. человек, с учетом Красной Армии и Туркестана — 7,5 млн человек; возвратным тифом — 3 млн человек. Однако эти данные, по мнению врачей и сангигиенистов революционной эпохи, из-за неполной регистрации считались слишком заниженными[48]. По их ориентировочным оценкам «сыпняком» болело более 25 млн человек; возвратным тифом — 8—9 млн. Значительное распространение получили холера, малярия, обозначилась угроза эпидемии натуральной оспы. Не поддается точной оценке количество людей, переболевших «испанкой» — разновидностью гриппа, унесшей в мире порядка 20 млн жизней осенью 1918—весной 1919 г. Согласно переработанным данным Наркомздрава для 55 губерний европейской части СССР, число умерших от остроинфекционных заболеваний (различные виды тифа, оспа, холера, дизентерия) в 1918—1920 гг. возросло по сравнению с предыдущим трехлетием почти в 7 раз[49] и составило 2,3 млн, а с учетом двух последующих лет — 3 млн человек. Но эти данные с поправкой на неполноту регистрации и охвата территории должны быть увеличены, как минимум, еще на 3—4 млн.

Особенно сильно в 1918—1920 гг. от эпидемий, голода, топливного кризиса пострадало население городов, в первую очередь крупных. Например, общий коэффициент смертности в 1919 г. в Саратове равнялся 69,8‰, в Ярославле — 61,4‰, в Киеве — 55‰, в Одессе в 1920 г. — 55,9‰[50]. Печальная динамика смерт-

---

[48]См.: Тарасевич Л.А. Эпидемии последних лет в России // Общественный врач. 1922. № 1; Сысин А. Санитарное состояние России в настоящем и прошлом // Социальная гигиена. 1923. № 2. С. 35—39.

[49]См.: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР... С. 252.

[50]См.: Кобалевский А.Г. Очерки по демографии Саратова. Саратов, 1928; Матеріали що до смертності на Україні. Померлі в м. Київі за причинами смерти, статтю та віком 1918—1927 рр / Праці демографічного інституту. Т. VIII. Київ. 1928; Финкельштейн Г.Д. Смертность от туберкулеза и острозаразных болезней в Одессе с 1877 по 1928 г. // Гигиена и эпидемиология. 1930. № 1.

ности в Петрограде и Москве за годы гражданской войны представлена в табл. 1. Меньшим было увеличение смертности в сельской местности, хотя здесь в большей степени мог сказаться недоучет смертей. Так, в Московской губернии смертность возросла с 31,5‰ в 1913 г. до 40,8‰ в 1920 г., в Костромской — с 30,9 до 49,6‰, в Орловской — с 27,0 до 36,41‰.

Заметно сократилась и без того невысокая ожидаемая продолжительность предстоящей жизни при рождении. Например, для мужского населения Петрограда, по оценкам С.А. Новосельского и В.В. Паевского, она уменьшилась по сравнению с 1910—1911 гг. более чем на 10 лет и составила в 1920 г. 20,5 года[51]. Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни у мужчин в Киеве, по нашим расчетам, основанным на соответствующих данных текущей регистрации смертей, равнялась в 1918 г. 21,7 года, в 1919 — 19,5 года. В конце XIX в. продолжительность жизни в Киеве составляла у мужчин 23,6 года[52].

В оценках людских потерь армий в годы гражданской войны среди ученых единства нет. В энциклопедии "Гражданская война и военная интервенция в СССР" число погибших бойцов Красной армии оценивается в 1 млн человек. Ю.А. Поляков определил общую оценку потерь Красной и Белой армий в 2,5 млн человек[53]. Заведующий отделом демографической статистики ЦСУ В.Г. Михайловский определял общее количество людей, погибших насильственной смертью (сюда включаются погибшие в боях, жертвы террора и бандитизма) в годы гражданской войны, в 1 млн человек[54]. Б.Ц. Урланис дал наиболее вероятные оценки безвозвратных потерь армий: общее число погибших в Красной и Белой армиях во время гражданской войны (включая войну с белополяками) составило 800 тыс. человек, причем из них более половины — 450 тыс. человек — умерли от болезней, 300 тыс. были убиты, 50 тыс. умерли от ран[55].

Горячие споры вызывают потери, вызванные террором в революционный период. Некоторые представления о размерах красного и белого террора дают следующие цифры. "Общество содействия жертвам интервенции" в конце 1927 г. выявило 111 730 свидетелей и жертв репрессий белогвардейцев[56]. За 1920—1922 гг. ревтрибуналами, созданными для защиты завоеваний Октябрьской революции и борьбы с контрреволюционными и другими наиболее опасными для Советского государства преступлениями, было осуждено 356 655 человек[57]. Председатель ревтрибуналов В.Ульрих приводил данные о применении высшей меры наказания ревтрибуналами в 1920 г.: 6543 расстрелянных, т.е. 7,3% от всего числа осужденных ими[58]. Е.Кулишер оценивал численность погибших от террора в 260 тыс. человек, из которых 200 тыс. — жертвы красного террора[59]. К фантастическим следует отнести оценку Р.Конквеста: число крестьян, погибших в ходе подавления крестьянских восстаний (антоновщина, григорьевщина и т.д.), составило несколько миллионов человек[60], или оценку Ев. Комнина: ежегодное число погибших от репрессий в годы гражданской войны равнялось 1,5 млн человек[61]. Эти цифры не укладываются в систему демографических параметров страны.

Голод

Первыми начавшийся продовольственный кризис пережили города, утратившие прежние хозяйственные связи друг с другом, с хлебо- и топливопроизводящими районами. Этот кризис начался еще в годы первой мировой войны и в 1918—1920 гг. перерос в голод. К концу гражданской войны продовольственный кризис охватывает деревню. Условия войны, политика продразверстки предопределили сокращение сельскохозяйственного производства и в сочетании с неблагоприятными погодными условиями привели к голоду. В 1920 г. засуха и неурожай охватили центрально-черноземные губернии, отдельные районы Поволжья, центрально-промышленных губерний. На следующий год сильный неурожай поразил Поволжье, Донскую область, значительную часть Украины, Казахстана. Валовой сбор пшеницы в 1921 г. составил в Нижнем Поволжье 10,5% от валового сбора 1913 г., в Новороссии — 13,6, в Приуралье — 26,5%. В этих районах в том же 1913 г.

---

[51] См.: Новосельский С.А., Паевский В.В. Таблицы смертности населения Ленинграда за 1910—1911, 1920 и 1923 гг. // Материалы по статистике Ленинграда и Ленинградской губернии. 1925. Вып. 6. С. 163.

[52] См.: Птуха М.В. Эволюция смертности в Европейской России и на Украине. В его кн.: Очерки по статистике населения. М., 1960.

[53] См.: Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 104.

[54] См.: Михайловский В.Г. Введение к итогам переписи 1920 г. // Труды ЦСУ. Т. 1, вып. 1. С. 4.

[55] См. Урланис Б.Ц. Войны и народонаселение Европы... С. 399.

[56] См.: Поляков Ю.А. Указ. соч. С. 105.

[57] Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918—1923 гг. М., 1924.

[58] См.: Ульрих В. Военные трибуналы // Пять лет Верховного суда РСФСР 1918—1923. М., 1924. С. 1—6.

[59] Kulisher E.M. Europe on the Move... P. 61—62.

[60] Conquest R. The Harvest of Sorrow. London: Arrow books, 1988. P. 54.

[61] См.: Мельгунов С.П. Красный террор в России. М., 1990. С.87.

собиралось почти 37% всей пшеницы страны. В результате в 1921—1922 гг. полностью под угрозой голода и сопутствующей ему новой вспышки эпидемий оказались 23 губернии с населением в 32 млн человек[62].

Совнарком и ВЦИК СССР организовали массовую борьбу с голодом. В результате проведенной кампании в помощь голодающим было собрано 120 млн пудов хлеба, в том числе 32 млн пудов предоставили зарубежные организации, которые кормили 11 млн голодающих. Как отмечалось ранее, более полутора миллионов пострадавших вышли из районов бедствия, из которых организованным путем было эвакуировано 970 тыс. человек[63].

В 1923 г. отечественные статистики исчислили убыль сельского населения РСФСР, УССР и Киргизской ССР за период 1920—1 июня 1922 г. в 5053 тыс. человек[64]. Впоследствии в ряде отечественных и зарубежных изданий этой величиной определялось количество умерших от голода[65]. Но показатель убыли населения включает в себя не только умерших, но и отток голодбеженцев в города, в Закавказье и Туркестан, и последствия снижения рождаемости. Непосредственное число жертв от голода было меньше. В 1922 г. в большинстве регионов страны наметились признаки выхода из демографического кризиса. Если основываться на имеющихся статистических данных для голодающих губерний, то максимальная оценка избыточного числа смертей (т.е. превышающего число смертей при нормальном уровне смертности 1911—1913 гг.) в них составит примерно 1,6 млн человек. Но наиболее вероятная оценка жертв голода 1921—1922 гг. еще меньше — примерно 1 млн человек[66].

Итоговый демографический баланс

Особенности процессов рождаемости, смертности и миграции предопределили характер воспроизводства населения и динамики численности населения страны. Если в 1915—1916 гг. численность населения страны (в границах СССР 1939 г.) практически не менялась, то в последующие шесть лет она сократилась примерно на 8 млн человек, что составляет почти 11 % от численности населения в 1914 г. Особенно заметным было уменьшение численности населения в крупных городах европейской части страны. За 1917—1920 гг. численность населения Петрограда уменьшилась с 1,4 млн человек до 700 тысяч, Москвы — с 1,7 до 1 млн, на треть уменьшилось население Киева, Нижнего Новгорода, Ярославля, Твери и ряда других городов.

Однако величина убыли населения в период войн — это только вершина айсберга общих демографических потерь населения[67]. Ученые неоднократно пытались дать оценку потерь России и СССР за годы первой мировой войны, революции, гражданской войны и интервенции, голода 1921—1922 гг. Некоторые из этих оценок приведены в табл. 2.

Большинство оценок людских потерь на территории СССР (в границах до 17 сентября 1939 г.) в годы первой мировой и гражданской войн заключены в интервале 12—18 млн человек[68]. Вероятная структура этих потерь выглядит следующим образом: большую часть — порядка 65—70% — составляют преждевременные смерти мирного населения, примерно 10—12% приходится на эмиграционный отток, только 15—20% — на военные потери.

Войны изменили и состав населения. В первую очередь они деформировали его возрастно-половую структуру.

Активное участие в войнах и эмиграции образованных людей, более высокий уровень смертности в городах по отношению к сельской местности оказали заметное влияние и на социальную структуру общества, и на дальнейшую судьбу государства. Выдающийся французский гуманист Клод Анри де Сен-Симон отмечал, что если Франция внезапно лишится по пятьдесят лучших представителей каждой профессии: ремесленников, ученых, поэтов, артистов и т.д. — в общей сложности 30 тыс. человек, то в лучшем случае "нация станет телом без души с того момента, когда потеряла их. Франции понадобилось

---

[62] Итоги борьбы с голодом в 1921—22 гг.

[63] Там. же. С. 460.

[64] См.: Дубенецкий Н. Опыт исчисления населения РСФСР и УССР на 1922 г. // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 72.

[65] См.: Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Х. Население Советского Союза, 1922—1991. М., 1993; Верт Н. История Советского государства 1900—1991. М., 1992.

[66] Аналогичную оценку потерь от голода дал чл.-корр. РАН Ю.А. Поляков. Нам, к сожалению, точно неизвестен метод его расчетов.

[67] Общие демографические потери включают в себя людские потери, вызванные повышением смертности и эмиграционным оттоком, и дефицит рождений (несостоявшиеся рождения), обусловленный снижением рождаемости (см.: Народонаселение: Энциклопедический словарь. М., 1994. С. 342—345; Россия в мировой войне 1914—1918 гг. (в цифрах). С. 20).

[68] По расчетам российского демографа С.В. Захарова, общие потери населения для территории современной Российской Федерации заключены в пределах от 12 до 18,6 млн человек.

Таблица 2

Оценки демографических потерь населения России и СССР в годы первой мировой войны, революции, гражданской войны и интервенции, голода 1921—1922 гг. (в млн человек)

Автор	Оцениваемый интервал	Общие демографические потери	Людские потери	Дефицит рождений
Струмилин С.Г.	1914—1922	23,9		
Волков Е.З. [69]	1914—1930	30		
Лоример Ф.	1914—1926	28	18	10
Кулишер Е.М.	1914—1922		13,75	
Боярский А.Я.	1915—1926	21—22	12	10
Урланис Б.Ц.	1917—1920		10—11	
Поляков Ю.А.	1914—1926	25		
Максудов С.	1914—1926		min 15,5	

Примечание. Все оценки, за исключением оценки С.Г. Струмилина (1922), даны в границах СССР до 17 сентября 1939 г.

Источники: Боярский А.Я. К вопросу о естественном движении населения... С. 227; Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР... С. 261; Максудов С. Потери населения СССР... С. 185—187; Поляков Ю.А. Советская страна после окончания гражданской войны... С. 104; Струмилин С.Г. Наши трудовые ресурсы и перспективы // Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 37—50; Урланис Б.Ц. Население и народное благосостояние // Динамика населения за 50 лет. М., 1968. С. 20—43; Lorimer F. The population of the Soviet Union: history and prospects. Geneva, League of Nations, 1946. P. 41; Kulisher E.M. Europe on the move... P. 56, 70—71.

бы по крайней мере целое поколение, чтобы поправить это несчастье"[70]. Россия потеряла в 1914—1922 гг. гораздо больше. Сотни тысяч лучших людей страна потеряла в последующие годы. Теряет она их и по сей день. Неужели история нас ничему не учит?

[69] С целью обеспечения соизмеримости приведенных оценок был произведен перерасчет оценок Е.З. Волкова и Б.Ц. Урланиса для единого временного интервала — 1914—1926 гг. — на основе методов, использованных этими учеными. Тогда общие демографические потери по Волкову равны 25—26 млн человек, а людские потери по Урланису — 14,5—16 млн человек. Необходимо иметь в виду, что А.Я. Боярский не учитывал в своих оценках эмиграционный отток.

[70] Сен-Симон К.А. Притча // Собр. соч. М., 1923.

А.И. Антонов, В.М. Медков, М.А. Нетрусов

ДЕМОГРАФИЯ СЕМЬИ — ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО ЦИКЛА ЖИЗНИ*

This article is devoted to the problem of the formation of branch of scientific investigation of the family as a demography of the family and to main questions of this science. The authors emphasise a role of the family's demography as methodological bridge between traditional conventional demography and sociology of the family. They discuss in this connection the more significant questions of this science: a reasons of it's arising, it's history and main topics: a role of the family as a unit of human reproduction, timing, spacing and consequences of demographic events, the family life cycle, microstimulation of the family development, and so on. As a conclusion the authors distinguish a principal tasks of the further demographic investigation of the family.

Одной из многих наук, имеющих общий с социологией семьи объект, является демография семьи, предмет и задачи которой в настоящее время активно обсуждаются. Мы рассматриваем демографию семьи как науку, предметом которой являются закономерности формирования, функционирования и распада семейно-родственных групп и домохозяйств[1]. Необходимость дополнения традиционного демографического анализа, в центре которого — индивид, как правило, лишенный каких-либо иных характеристик, кроме пола и возраста, обращением к демографии семьи, необходимость включения именно семьи как объекта исследования и одновременно единицы наблюдения обусловлены тем, что "индивидуалистическая" демография близка к исчерпанию своего эвристического и прогностического потенциала. Формальная демография много и порой красиво описывает, но почти никогда и ничего не объясняет. Одним из симптомов этого является растущее внимание к разработке все более изощренных методов формально-математического демографического анализа. Все чаще и чаще мы становимся свидетелями того, как изощренные и технически усложненные методы формальной демографии используются для доказательств чуть ли не банально-

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-04311, "Создание имитационной модели репродуктивного поведения семьи в условиях социально-экономического кризиса в России").

[1] См.: Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М., 1996. С. 24.